

№ 55.
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.
1915 г.

1-я экз.
XII, 4985/176

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 к.
ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНТЯБРЬ

Во французской траншеѣ. Полевые телефонисты.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2 . . . .
 . 1 мѣс. — . 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Неприятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Такса объявленій:
 За строку непара
 рели въ 1 стол
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 верх. текста . 90 к.
 позаци . . . 60 .
 Постоянные заказы по
 соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

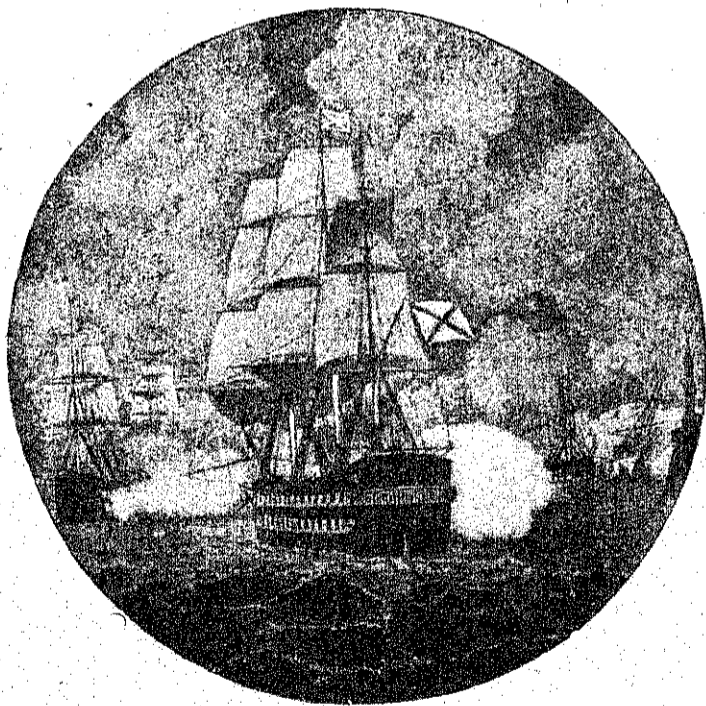
№ 55 1915 г. Главная контора журвала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Сентябрь.

СТАРЫЙ БОГЪ.

Разсказъ Александра Рославлева.

У стараго, мирнаго Бога
 Для насъ голубое окно,
 И много, безчисленно много
 Ликующихъ дней зажжено.

Двѣ недѣли спѣшныхъ переходовъ и каждодневные бои до того утомили Воротникова, что сознание его притупилось, и отношеніе ко всему стало почти безразличнымъ. Все время хотѣлось спать: стоило сѣсть или къ чему-либо прислониться, какъ онъ сейчасъ же задремывалъ, а приходилось быть насторожѣ, и часы затишья отличались отъ часовъ боя только еще большей напряженностью; но въ этотъ день небо, совсѣмъ очистившееся отъ нудно дожившихъ облаковъ, голубѣло породному участливо, и не вѣрилось, что оно обманетъ, только разъ показались въ немъ бѣлые круглые дымки, — снаряды разорвались гдѣ-то далеко за окопами и было похоже, что это произошло не случайно, а потому, что

Синопскій бой. Корабль «Императрица Марія» во время боя.

иначе и не могло быть. Часа четыре желѣзнаго сна взбудрили Воротникова, и онъ пошелъ посидѣть подъ траверсъ, гдѣ за корявымъ, на скорую руку слаженнымъ столомъ собрались офицеры; всѣ пообчистились, подтянулись и словно бы не было усталости, опасности, крови и всего, чѣмъ тягостна война, — такъ спокойно говорили они о разныхъ пустякахъ. У запасливаго капитана Дамбы оказался полонъ портсигаръ папиросъ, чего только не хватало. А изъ 2-й батареи прислали газеты и томикъ Чехова. Газеты, за ихъ потрепанностью, читать было затруднительно, за Чехова же приглялись сейчасъ же — отвели душу. Такъ оно и шло, легко и бездѣльно, а когда солнце замѣтно покраснѣло, и тѣни отъ составленныхъ въ козла ружей на утоптанной землѣ стали четкими, былъ полученъ приказъ о наступленіи, и опять построились ряды, ошетинились штыки и зашагали по липкому суглинку, по лужамъ, черезъ кустарникъ и овражки.

Безтревожно проведенный день вернуть Воротникову воспоминанія о Москвѣ и, глядя на выразительный спины и затылки солдатъ, онъ опять полно ощутилъ новизну своего положенія. Тамъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго, а здѣсь — начальникъ этихъ простосердечныхъ, непоколебимо стойкихъ въ жертвенной тяготѣ людей, онъ никакъ не могъ связать какой-либо общей законченной мыслью того и другого; слишкомъ быстро жизнь передвинула декорации. Въ цѣломъ все было какъ будто понятно и сообразно, но въ частности, поскольку это касалось его, Воротникова, многое требовало уясненія.

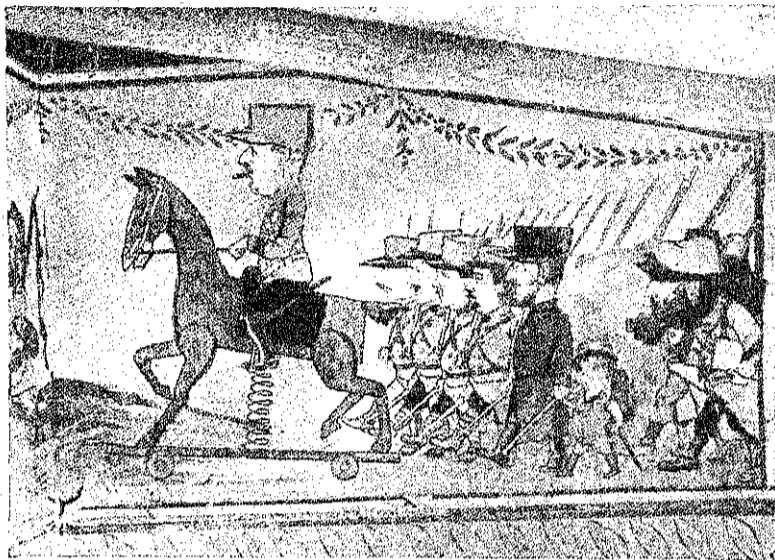
Опять, какъ въ прошлые разы, онъ ждалъ какого-либо звука, опредѣляющаго начало боя: или надсадливо провизжитъ шрапнель, или дѣловито застрекочетъ пулеметь, или прозвонитъ штыкъ отъ попавшей въ него пули. Но случилось по иному: ему показалось, что лошадь его оступилась, онъ натянулъ поводья, но она тяжело рухнула на бокъ и придавила ему ногу; вскачивъ, выбранился, мелькомъ взглянулъ на выкаченный съ бѣлкомъ глазъ хрипѣвшаго, издыхавшаго животнаго и побѣжалъ за развертывавшейся цѣпью (рота и безъ команды знала, что дѣлать).

Ясно обозначалась въ затемени сумерекъ часто-часто вспыхивающая трескучая линія огня.

— Только бы добѣжать, — думалъ Воротниковъ. — И это желаніе, обостренное до крайности, мѣшало ему цѣльно сознавать остальное. Справа и слѣва кидались на землю, стрѣляли и щелкали ружейными затворами его люди, падали и не вставали, останавливались, передніе въ-перебивку кричали «ура»; густо синее небо какъ бы вздрогнуло отъ устремившагося въ него луча прожектора, который сейчасъ же скользнулъ на

ФРАНЦУЗСКІЙ ЮМОРЪ ВЪ ДНИ ВОЙНЫ.

Злободневныя карикатуры на стѣнахъ французскихъ траншей.

раньше: медленная бултыхня и шумъ. Тогда онъ, стараясь дѣлать медленныя осторожныя движенія, подгрѣбъ подъ голову солому и успокоился. Теперь онъ видѣлъ, кто на немъ лежалъ: полуприкрытый клеенчатой накидкой, довольно грузный прусскій офицеръ; полное выбритое лицо его, ткнувшееся щекой въ край тѣлжки, было обращено къ Воротникову: красивый, большой многозначительный лобъ, рѣшительно очерченный съ горбиной носъ, подкрученные къверху густыя усы и какъ будто чуть презрительныя мясистыя губы, которыя, — почувдилось Воротникову, — были такъ крѣпко сжаты, словно бы умершій все еще терпѣлъ и перемогалъ какую-то муку. Темнота скрывала подробности и, можетъ быть, Воротниковъ больше вообразилъ его лицо такимъ, а на самомъ дѣлѣ оно было инымъ; но сосредоточенное на немъ вниманіе уже настолько углубилось, что лишь при сильномъ напряженіи воли онъ смогъ бы отвести отъ него взглядъ. А губы опять стали сухими отъ жара, и мысль замедлялась, путалась въ ненужныхъ отвлеченіяхъ, которыя быстро копились во что-то чрезвычайно сложное; противиться этой сложности было невозможно, и Воротникова стремительно потянуло куда-то внизъ, причемъ ноги его потяжелѣли, распухли, а когда онъ хотѣлъ ихъ поджать, то оказалось, что они увязли въ горячемъ пескѣ, который колотъ и въѣдался въ тѣло, длительно, настойчиво и нестерпимо.

— Вамъ надо на ноги холодныя компрессы, — сказала офицеръ. — То, что онъ не открылъ глазъ и не пошевелилъ губами, было вполне естественно. Почему естественно — это Воротниковъ забылъ; зналъ только, что иначе не можетъ быть.

— Ну, компрессъ едва ли поможетъ; я думаю, что они у меня основательно повреждены. Эти снаряды, чертъ знаетъ, какой силы.

— Вы меня простили?

— Что же мнѣ вамъ прощать?

— Но мы же враги?

«Въ самомъ дѣлѣ», — вспомнилъ Воротниковъ и нѣсколько удивился, что онъ объ этомъ какъ-то не подумалъ; но сейчасъ же рѣшилъ, что такъ оно и лучше, потому что какіе же они теперь враги?

— Видите, у меня оторвало пальцы, — продолжалъ тотъ, какъ бы жалуясь, — и на одномъ было кольцо. У меня есть неѣста.

Только теперь, когда онъ указалъ, Воротниковъ замѣтилъ, что у него не хватаетъ средняго и указательнаго пальца, а вмѣсто нихъ красныя, кровоточащія лоскутки.

— Кольцо надо найти.

И у Воротникова таже чувство, что это необходимо, хотя ему еще надо болѣе ясно обосновать свое желаніе. «Но, вѣдь, пальцевъ-то нѣтъ». Такъ что же изъ этого: нѣтъ и нѣтъ, а кольцо само по себѣ.

— Какъ это все въ вѣчности опредѣлится и оправдается, — разсудительно замѣтилъ офицеръ, — этого ни вы, ни я, и никто не знаетъ. А золотое маленькое колечко дорого и понятно... Вы согласны?

Конечно, какъ же онъ можетъ иначе думать, когда это почти токъ въ токъ его мысли?

— Жить да не радоваться — Бога обидѣть.

Это Воротниковъ отъ кого-то уже слышалъ. Ну, да! Отецъ Питиримъ говорилъ. Совершенно вѣрно.

И ему ясно, до мельчайшихъ подробностей припомнился Голутвинскій монастырь, куда онъ ѣздилъ къ отцу Питириму отдыхать.

Сухонькій, лядащій, сморщенный, какъ осенній листь, сидитъ отецъ Питиримъ на бревнѣ подъ яблоней. Яблоня словно бы свѣтится — такая она бѣлая, праздничная; густо гудитъ пчелами; и осыпаются лепестки ея цвѣта на порожѣлую скуфейку, на рясу, на дорожку.

— Вы все ищете, — бархатно, съ вразумительной разстановкой поучаетъ отецъ Питиримъ, поправляя на

Австрійскіе трупы на сербскомъ фронтѣ.

остромъ носу дымчатые очки. — Вонъ, пчела знаетъ, гдѣ искать: гдѣ Господь указалъ, тамъ и ищете. А вы сами до всего хотите дойти хитростью, врагъ-то васъ и водить.

«Какія звѣзды, даже глаза колетъ»... И совсѣмъ приходя въ сознание, съ темной тревогой, какъ-бы опять не начался бредъ, Воротниковъ силится приподняться.

Его знобитъ, и отъ боли въ ногахъ онъ слабо стонетъ.

Телѣжка стоитъ среди поля, гдѣ вокругъ все какъ будто кочки и кочки — тѣла убитыхъ.

* * *

Сейчасъ же, какъ кончится лѣсъ, дорога пойдетъ подъ гору и покажется монастырь. Кобылка бѣжитъ не очень-то бойко, хотъ-то и дѣло подхлестываетъ ее и возжами, и кнутомъ свѣтловолосый послушникъ; лицо у него нѣжно и румяно, какъ у дѣвушки, а голосъ чистый, громкій.

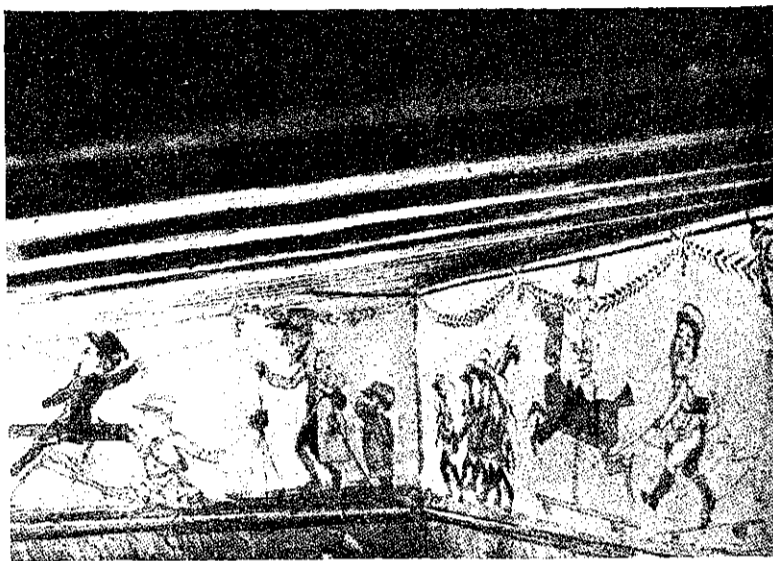
Воротниковъ, улыбаясь, смотритъ на врѣзанныя полозьями въ снѣгъ лоснящіяся отъ солнца полосы, на подернутую сизой пылью кудлатую гриву, на опушенныя веселыя березы, на щеголихъ-сорокъ — и ему чуть не до слезъ хорошо. А когда изъ-за бѣлаго холма, диковинно залучившись, вырастаютъ маковки и кресты, онъ снимаетъ фуражку и, нѣсколько смущаясь своей откровенности, крестится.

Кобылка, завидя монастырь, торопится, послушникъ привстаетъ на сидѣнья, заноситъ руку, но уже кнута не требуется: все равно лише не поскачетъ. И черезъ какихъ-нибудь десять минутъ, замѣшкавшись, прочиркавъ по камнямъ, подъ низкимъ сводомъ древнихъ вратъ, сани выѣзжаютъ на широкій монастырскій дворъ и останавливаются у двухъ посыпанныхъ пескомъ каменныхъ ступенекъ передъ дверью, надъ которымъ подъ зеленой кровельхой — ярко писанная на стѣнѣ икона Царицы Небесной и виситъ возженный желѣзный фонарь.

Въ окрестностяхъ Бѣлграда въ дни войны.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЮМОРЪ ВЪ ДНИ ВОЙНЫ.

Злободневныя карикатуры на стѣнахъ зданій, расположенныхъ вблизи передовыхъ позицій и занятыхъ военно-хозяйственными учрежденіями французовъ.

Отецъ Питиримъ, увидя сани, сначала стучитъ пальцами въ окно и киваетъ, а потомъ забавно, по-стариковски, торопится по коридору навстрѣчу гостю.

Воротниковъ, опираясь на палку, волочитъ правую ногу, останавливается и, переложивъ палку въ другую руку, обнимаетъ и крѣпко цѣлуетъ отца Питирима.

— А я ужъ заждался... Поѣздъ, что-ли опоздалъ?

— Да, почти на полчаса.

— Вотъ, милости прошу, сюда пожалуйста. Келья-то у меня теперь побольше.

Отецъ Питиримъ такъ трогательно радъ и заботливъ, что Воротниковъ, немного растерявшись, не знаетъ, куда ему сѣсть.

— Къ столу, милости прошу, чайкомъ согрѣться. Вотъ ужъ не чаялъ васъ воиномъ видѣть! А исхудали... — И онъ участливо смотритъ на Воротникова, чуть поверхъ дымчатыхъ очковъ и приподнявъ топорщатыя съ сѣдиной брови.

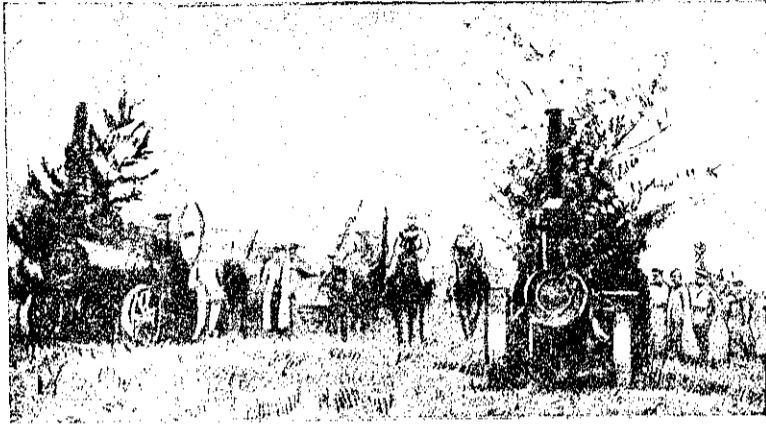
Келья у отца Питирима въ два окна и ужъ такъ чисто прибрана, соринки не найти. Въ правомъ углу образъ Святителя Пантелеймона въ глубокой рамѣ; подъ нимъ аналой, а на аналоѣ пухлый, въ истрепанномъ переплетѣ псалтырь. Словомъ, все то же, что и раньше, и разставлено такъ же.

На столѣ не самоваръ, а солнце; варенье въ синей вазочкѣ, и лепешки съ макомъ, и закусить всего въволю: и грибки бѣлые, и снѣтокъ, и бѣлорыбица. Но Воротникову не хочется ѣсть; до ѣды ли! Когда главное въ томъ, что онъ опять сидитъ съ отцомъ Питиримомъ, опять на отдыхѣ, въ тишинѣ неисчерпаемой, послѣ такого испытанія.

Разсказывая о томъ, какъ его контузили и какъ полторы сутокъ пролежалъ подъ убитымъ и въ бреду вспоминалъ о немъ, отцѣ Питиримѣ; и кажет-

ГЕРМАНСКАЯ ХИТРОСТЬ.

Искусственный лѣсокъ. Машины для рытья окоповъ прикрыты вѣтками.

ся ему, что онъ о комъ-то другомъ говорить, а не о себѣ — такъ оно далеко отошло, такъ до конца пережито.

— Отъ суеты, отъ суеты все,—вздыхаетъ отецъ Птиримъ.—Читаемъ здѣсь газеты, свѣтопреставленіе чистое! По новому стали жить, съ аропланами. А старый-то Богъ, онъ на всѣхъ угодилъ, у Него все крѣпко.

И Воротниковъ соглашается. Да и какъ не согласиться, когда радостно бѣлѣ за окнами сугробъ, когда со звоницы плыветъ ласково успокоительный перезвонъ, когда золотыя солнечныя пятна на полосатомъ половикѣ знакомы съ дѣтства, и у отца Птирима такая свѣтлая, мирная улыбка. Да, старый Богъ, старый Богъ.

Александръ Рославлевъ.

ВЪ БРИТАНСКОЙ АРМІИ.

Британская армія снабжается пищей, одеждой и всѣмъ прочимъ — отъ зубной щетки до 9-дюймовой гаубицы — съ правильностью часового механизма и въ этомъ одномъ одинъ изъ секретовъ ея могущества.

Черезъ Францію проходитъ линия британскихъ обозовъ, и эта артерія не перестаетъ пульсировать, ни днемъ, ни ночью. Все время движутся поѣзда и ряды автомобилей, съ пищей и другими припасами.

Часто имъ приходится подвергаться опасности непріятельскаго нападенія.

Однажды обозъ, состоящій изъ двадцати автомобилей, съ пищей и необходимыми для фронта вещами по нѣскольку сотъ пудовъ въ каждомъ, наскочилъ на отрядъ въ 500 германскихъ кавалеристовъ. На предложеніе сдаться англійскій офицеръ пустилъ свой автомобиль полной скоростью и помчался въ середину отряда, за нимъ всѣ другіе также. Произошло нѣчто подобное битвѣ слоновъ Ганнибала съ римскими легіонами. Обозъ прорвался, и солдаты въ окопахъ были накормлены.

Въ другомъ случаѣ англичане стали свидѣтелями неожиданнаго и комичнаго событія. Шестнадцать голодныхъ нѣмецкихъ солдатъ и два офицера, когда обозъ оказался передъ ними, подняли руки вверхъ, сдаваясь въ плѣнъ.

Весьма напряженную работу несутъ мотоциклисты и часто избѣгаютъ вражескаго нападенія только благодаря скорости своихъ машинъ.

Ихъ можно назвать земными авіаторами, потому что ихъ развѣдка даетъ весьма цѣнные результаты. Работаютъ и умираютъ они всегда въ одиночествѣ.

Характерно, что вся армія полна желаніемъ бойкотировать германскіе товары. Въ маленькой французской лавочкѣ англійскіе солдаты внимательно присматриваются къ тѣмъ вещамъ, которыя они покупаютъ, и говорятъ: — Я заплачу за французскіе товары, заплачу и за русскіе, но за нѣмецкіе — никогда!

НѢМЕЦКІЙ ЛЕДАНТИЗМЪ.

Въ германской юридической пресѣ идетъ теперь оживленная научная полемика по вопросу: кому принадлежитъ пуля, вынутая изъ тѣла раненаго?

Одни утверждаютъ, что пуля принадлежитъ врачу, который ее нашелъ и извлекъ.

Другіе, основываясь на томъ, что пуля находилась во «владѣніяхъ» раненаго, полагаютъ, что она принадлежитъ ему.

Третьи, наконецъ, думаютъ, что собственникомъ извлеченной пули является государство.

Надо думать, что вопросъ будетъ изученъ и изслѣдованъ съ той полнотой и тщательностью, какія свойственны нѣмецкой наукѣ.

Австрійская тяжелая артиллерія на восточномъ фронтѣ.

ГИНДЕНБУРГЪ И ПОЛТАВСКІЯ ГАЛУШКИ.

Шведскій журналъ «*Vecko-Journalen*» приводитъ довольно любопытную болтовню (потому что ее нельзя назвать бесѣдой) германскаго маршала Гинденбурга и корреспондента одной шведской большой газеты.

Когда стокгольмскій журналистъ въ осторожной формѣ задалъ германскому главнокомандующему вопросъ, предполагаетъ ли онъ двинуть войска на Москву, Гинденбургъ, не давая прямого отвѣта, самодовольно улыбаясь, сказалъ:

— О, можете телеграфировать своимъ соотечественникамъ, что дружественная Швеція Германія достойно отомститъ русскимъ за потерю великимъ Карломъ XII сраженія подъ Полтавой. Я даже могу пригласить васъ къ Новому году на «*schaluschki*» въ эту столицу Украинскаго царства. Это, говорятъ, очень вкусное, специфически малороссійское, кушанье — пояснилъ собесѣднику Гинденбургъ.

— А какъ же съ Москвою? — настаивалъ шведскій журналистъ.

— На этотъ счетъ я могу вамъ лишь сказать, что мы, исправляя историческую ошибку одного великаго полководца (т. е. Карла XII), вовсе не хотимъ повторить промаха другого величайшаго стратега (т. е. Наполеона). Право, нѣтъ смысла изъ-за того, чтобы посмотрѣть Москву, больше не видѣть Берлина.

БЕЗЪ КРЕСТА.

«*Pall Mall Gazette*» сообщаетъ о необыкновенномъ гнѣвѣ кайзера, который лишилъ одного изъ принцевъ крови Желѣзнаго Креста за неуспѣхи его во Франціи.

Кайзеръ въ присутствіи генеральнаго штаба сорвалъ съ мундира принца этотъ орденъ.

Телеграмма не сообщаетъ имени «принца крови», но можно предположить, что это кронпринцъ. Это — кедурно.

Интересно было-бы однако знать, кому придется срывать кресты съ мундира самага кайзера.

Двѣ матери.

ГИНДЕНБУРГІАДА.

«*Daily News*» телеграфируетъ изъ Копенгагена, что всѣ прусскія деревни въ честь Гинденбурга переименовываются въ Гинденбурги, и въ настоящее время всякій германскій городъ непременно имѣетъ уже въ числѣ своихъ улицъ Гинденбургштрассе.

Многіе театры, отели и общественныя учрежденія получили названія, напоминающія имя Гинденбурга.

Ему же посвящено 50 военныхъ маршей, сочиненныхъ въ его честь и носящихъ его имя.

Гинденбургъ, получилъ степень доктора отъ 50 германскихъ университетовъ.

Интересно, какъ называется та кафедра, докторомъ которой избранъ талантливый генераль.

БОГАТЫЕ ТРОФЕИ.

Газета «*Rumanie*» сообщаетъ съ ироніей, что для того, чтобы доказать свои побѣды надъ русскими, турки уже начали присылать въ Вѣну свои трофеи.

Нѣсколько дней тому назадъ черезъ Букарестъ былъ перевезенъ нѣшокъ, содержащій въ себѣ три русскихъ ружья и одну саблю.

Съ добычей! Съ картины Ф. Рубо

ПАДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (сентябрь) Н. В. Исаковъ сообщаетъ не лишеныя интереса подробности о паденіи Севастополя въ 1855 году и нравахъ, царившихъ во время крымской кампаніи на фронтѣ.

Непріятель чувствовалъ себя въ Балаклавѣ прекрасно. Высшіе военные чины вели свѣтскій образъ жизни. Пріѣзжало много англичанокъ и французенокъ. Передъ сумерками всегда въ виду нашихъ стрѣлковъ являлись конныя группы съ амазонками и грумами сзади.

Главнокомандующій князь Горчаковъ былъ старъ и боленъ. Цѣлый день онъ ничего не дѣлалъ: ходитъ, рассылаетъ свой штабъ, и, когда разошлетъ его, то нѣсколько успокоится, какъ-будто оградилъ себя отъ внезапныхъ нападений и обходовъ, которые ему мерещились и днемъ, и ночью.

По первому выстрѣлу ночью въ казачьей цѣпи онъ уже подымалъ всѣхъ на ноги.

Къ концу осады князь Горчаковъ совсѣмъ «исчудачился».

Цѣлый день расхаживалъ между пустыми палатками въ красной ермолкѣ на головѣ и подражалъ голосу барана, бывшаго на привязи у кого-то изъ штабныхъ.

«Однажды, — рассказываетъ г. Исаковъ, — два солдата убрали палатку.

Одинъ, слышавъ бараній крикъ, громко ругнулъ его его крѣпкимъ словомъ; другой остановилъ его, сказавъ, что онъ съ ума сошелъ, вѣдь это — корпусный».

Въ бумагахъ Горчакова царилъ чрезвычайный хаосъ.

«Я былъ свидѣтелемъ, — пишетъ Исаковъ, — какъ въ обыкновенной сумятицѣ онъ безпрестанно терялся въ подробностяхъ и какъ ему не безъ затаенной ироніи подавали не тѣ листы, которыхъ онъ искалъ: однимъ словомъ, онъ былъ уже для многихъ его окружающихъ, если не

для всѣхъ, доблестнымъ юродивымъ; отъ котораго разумныхъ вещей не всегда ожидать можно».

И неразумныя распоряженія слѣдовали одно за другимъ.

Такъ, объясняя диспозицію начальникамъ главныхъ частей, князь Горчаковъ приказалъ съ разсвѣтомъ открыть артиллерійскій огонь, а затѣмъ для атаки ожидать приказанія главнокомандующаго.

При этомъ было, однако, упущено изъ виду, что на разной высотѣ разсвѣтъ начинается въ разное время.

Князь Горчаковъ началъ спускаться съ Макензіевой горы, когда у него на значительной высотѣ горизонтъ уже заалѣлся.

Не слыша огня войскъ, стоявшихъ внизу, въ лошинѣ, онъ послалъ къ нимъ своего адъютанта спросить, отчего они не начинаютъ.

Но пока тотъ доѣхалъ, уже разсвѣло, и артиллерійскій огонь былъ открытъ.

Вопросъ же адъютанта, почему не начинаютъ, былъ понятъ въ томъ смыслѣ, что нужно начинать атаку.

И атака началась съ этой стороны прежде, чѣмъ князь Горчаковъ успѣлъ разсмотрѣть что-либо у непріятеля и рѣшить, правому или лѣвому нашему флангу нужно начать атаку.

Понятно, что при такихъ условіяхъ удачными атаки не могли быть.

Изъ Петербурга требовали ни въ коемъ случаѣ не сдавать Севастополя, а между тѣмъ, положеніе на фронтѣ создалось такое, при которомъ дальнѣйшее удержаніе Севастополя было бы совершенно безплодной бойней.

На военномъ совѣтѣ вопросъ и былъ рѣшенъ въ этомъ смыслѣ.

Тогда взорвали всѣ бастионы, и

Маленькіе бѣльгійцы играютъ въ «войну».

ночью гарнизонъ и всѣ, кто только могъ передвигаться или быть вывезеннымъ, покинули городъ.

Любопытство, что послѣ штурмовъ, когда артиллерійскій огонь прекращался для уборки убитыхъ и раненыхъ, русскіе офицеры съѣзжались съ французскими и знакомились съ ними самымъ мирнымъ образомъ.

Французы предлагали распить съ ними бордо, русскіе — утощали ихъ взамѣнъ сигарами.

Разговоръ при этомъ велся свѣтскій, обѣ стороны звали къ себѣ въ гости въ Парижъ и Петербургъ, предлагая свои услуги, и обмѣнивались адресами.

ПРОШЛОЕ ЛОДЗИ.

Лодзь (уѣздный городъ Петровской губерніи) по свидѣтельству хроникъ существовалъ уже въ XIV вѣкѣ.

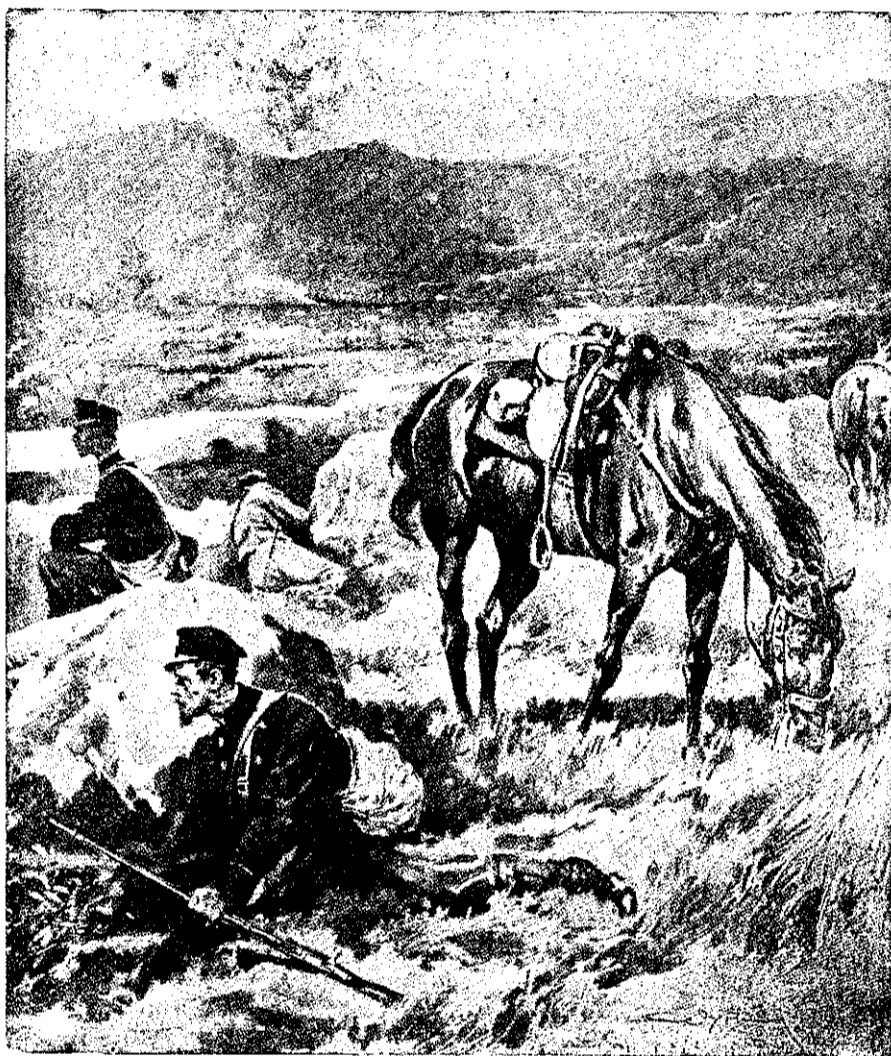
Владиславъ князь Ленчицкій въ числѣ другихъ мѣстечекъ отдалъ деревушку Лодзь въ вѣчное владѣніе епископамъ Куявскимъ.

Вскорѣ затѣмъ она была наименована городомъ, но обстроивалась и населялась очень медленно: въ концѣ XVIII вѣка въ ней значилось 44 дома и 190 жителей.

Въ 1820 г. императоръ Александръ I, желая способствовать развитію въ царствѣ Польскомъ фабричной промышленности, повелѣлъ, чтобы Лодзь считался «фабричнымъ городомъ»; для привлеченія же къ этому мѣсту иностранныхъ фабрикантовъ—имъ были предоставляемы различныя льготы, преимущества и пособія отъ русскаго правительства.

Льготы эти были весьма значительны, а указъ 20-го апрѣля 1820 г., по которому ремесленникамъ предоставлялось по желанію, право перехода въ русское подданство (въ этомъ случаѣ они получали всѣ права русскихъ гражданъ) рѣшилъ судьбу Лодзи.

Со всѣхъ сторонъ въ городъ стали прибывать фабриканты и ремесленники (на первыхъ порахъ, преимущественно сукнодѣлы), и мало-по-малу ничтожный городишко превратился въ обширный фабрично-промышленный центръ съ годичнымъ оборотомъ въ 150.000.000 руб. и населеніемъ въ 150.000 жителей, — съ православнымъ храмомъ, построеннымъ на добровольныя по-

На развѣдкѣ.

жертвованія, освященнымъ 8-го мая 1884 г., и высшимъ ремесленнымъ училищемъ.

ПОСЛѢДНІЯ ЗАВОЕВАНІЯ НѢМЕЦКАГО ГЕНІЯ.

Англійскія газеты сообщаютъ, что у нѣмцевъ имѣется для погребенія убитыхъ три специальныхъ машины.

Одна машина роетъ могилы, другая — опускаетъ тѣла въ могилы, третья — засыпаетъ могилы.

Но нѣмцы недовольны незаконченностью своей системы и ломаютъ свои нѣмецкіе головы надъ тѣмъ, какъ бы соорудить четвертую машину, которая тутъ же служила-бы торжественныя панихиды.

Историческій анекдотъ.

Въ «Дневникѣ» извѣстнаго А. В. Никитенки, рассказывается любопытный анекдотъ.

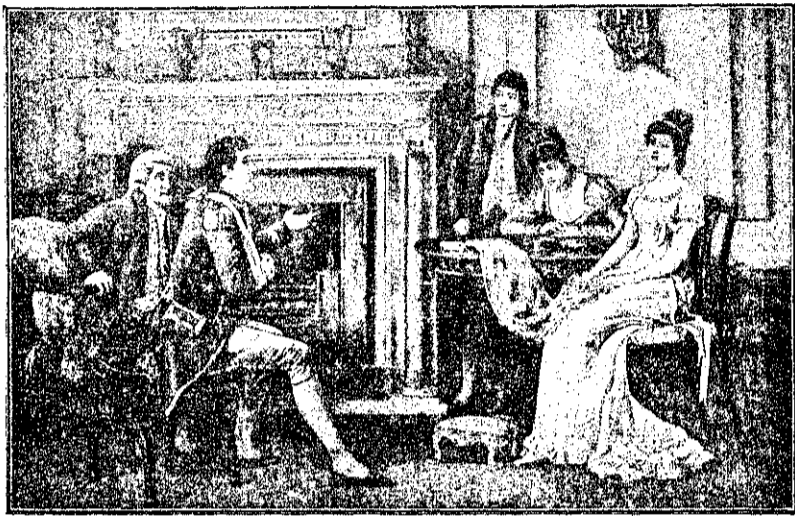
Онъ относится къ двадцатымъ годамъ и записанъ Никититенкой въ эпоху нашей войны въ 1829 году.

Государь Николай I, разсуждая съ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ объ осадѣ Шумлы, спросилъ у него:

— Можно ли взять сію крѣпость, которая считается неприступною?

— Да, ваше величество, только это можетъ стоить намъ пятидесяти тысячъ храбрыхъ солдатъ.

— Такъ я лучше буду стоять подъ ней, доколѣ она не сдастся сама, хотя бы мнѣ это стоило пятидесяти лѣтъ жизни! — воскликнулъ Николай I.

Возвращеніє съ войны сто лѣтъ тому назадъ.

Итальяно-Австрийскія войны въ XIX вѣкѣ.

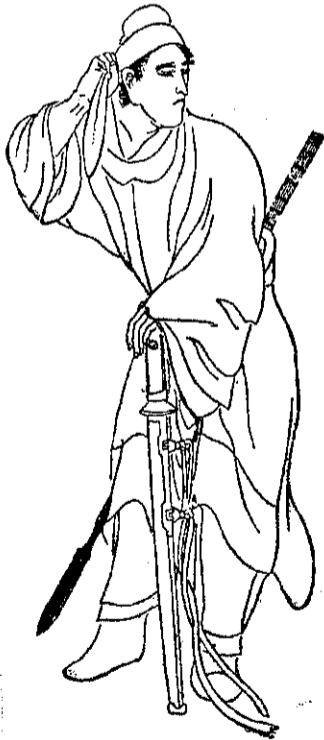
Въ любопытной статьѣ профессоръ В. Бутенко вспоминаетъ прежнія войны между нашей союзницей Италией и нашимъ врагомъ—Австріей.

Въ первый разъ это было въ 1820—1821 гг. Вдохновленная высокими идеалами французской революціи, организованная въ тайное общество карбонаровъ, итальянская молодежь произвела переворотъ и подняла знамя національной независимости.

Но священный союзъ, бывший послушнымъ орудіемъ политики Меттерниха, уполномочилъ Австрію подавить итальянское возстаніе, и австрийская армія безъ труда возстановила прежніе порядки по всей Италиі.

Наступилъ 1848 годъ, грозный годъ, когда революціонная волна обошла всю Западную Европу, годъ, когда въ прахъ разлетались одно за другимъ созданія вѣнскаго конгресса, и когда самому существованію Австріи грозила, повидимому, неминуемая гибель. Въ мощномъ патріотическомъ порывѣ поднялась вся Италия на стараго врага и насильника. На борьбу выходили теперь не революціонные кружки молодежи, а вся многомилліонная масса итальянскаго народа. И взоры всѣхъ патріотовъ обращались на того изъ итальянскихъ монарховъ, который уже успѣлъ стяжать себѣ прозваніе «меча Италиі», сардинскаго короля Карла Альберта. Карль Альбертъ

понялъ свой долгъ предъ родиной и 23-го марта 1848 г. объявилъ войну Австріи. Изъ всѣхъ итальянскихъ государствъ отправились ему на помощь и регулярныя войска, и волонтеры. Австрийцы были разбиты при Гайто и Пастренго, и Карль Альбертъ занялъ всю Ломбардію.

Японскій воинъ далекаго прошлаго. (Японскій рисунокъ).

Но сардинскій король, начиная войну, считался только съ патріотическими чувствами. Онъ забылъ о зависти къ нему другихъ итальянскихъ государей, у которыхъ личные и династическіе интересы доминировали надъ патріотическими стремленіями и которые готовы были продать дѣло національной независимости за сохраненіе своихъ престоловъ. Первый ударъ въ спину ему нанесъ покорный вассаль Габсбургъ, неаполитанскій король Фердинандъ II, прозванный своими подданными «королемъ-бомбой», за ту жестокость, съ которой онъ бомбардировалъ возставшіе противъ него города. Подъ предлогомъ волненій въ Сициліи онъ отозвалъ свои войска съ сѣвера. Его примѣру послѣдовалъ папа Пій IX, въ представленіи котораго интересы католицизма требовали союза съ Австріей и ея императорами. Вѣроломно покинутый, предоставленный однимъ собственнымъ силамъ, Карль Альбертъ былъ разбитъ 25-го іюля при Кустоци превосходными силами австрийскаго фельдмаршала Радецкаго. 19-го марта 1849 г. онъ возобновилъ борьбу, но уже 23го марта при Наварѣ потерпѣлъ новое пораженіе и долженъ былъ «купить миръ цѣной отреченія отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила II. Обезсиливъ Сардинію, австрийцы съ беспощадной суровостью подавили революцію въ другихъ областяхъ Италиі, и «палачъ Брешии» генераль Гайкау не останавливался ни передъ какими жестокостями, чтобы отомстить итальянцамъ за ихъ попытку свергнуть съ себя австрийское иго.

Прошло десять лѣтъ. Викторъ-Эммануилъ, принявшій на себя тяжелое и вмѣстѣ съ тѣмъ высокое наслѣдіе отца, нашель себѣ геніальнаго сотрудника въ лицѣ Кавура. Десять лѣтъ король и министръ готовились къ новой борьбѣ съ наслѣдственнымъ врагомъ Италиі, и въ 1859 г., наконецъ, пробилъ для нихъ желанный часъ. На этотъ разъ Сардинія протянула руку помощи единоплеменной Франціи.

Война началась при благоприятныхъ условіяхъ. Раньше, чѣмъ австрийцы успѣли сконцентрировать свою армію для вторженія въ Пьемонтъ, французы подъ предводительствомъ самого Наполеона III были уже по эту сторону Альпъ. 4-го іюня 1859 г. австрийскій главнокомандующій Гиулай былъ разбитъ на голову при Маджеилѣ, и четыре дня спустя Наполеонъ и Викторъ-Эммануилъ при бурномъ ликованіи

народа вступили въ Миланъ. Францъ-Иосифъ, тогда 29-лѣтній молодой человекъ, смѣнилъ Гуляя и самъ сталъ во главѣ своей арміи, но это не спасло австрійцевъ отъ новаго разгрома при Сольферино (24-го іюля). Война 1859 г. подняла на ноги всю Италію и вызвала въ ней лихорадочное народное движеніе. Наполеонъ III самъ испугался его размѣровъ и поспѣшилъ заключить съ Австріей миръ, по которому Викторъ-Эммануилъ получалъ только Миланскую область.

Но могъ ли Наполеонъ III этимъ успокоить вышедшее изъ береговъ народное море? Национальная революція продолжалась, и къ началу 1861 г. въ рукахъ Виктора-Эммануила была уже вся Италія кромѣ Венеціи и Рима. Мечты патриотовъ сбывались. Италія превратилась въ единое государство, и концертъ великихъ державъ Европы обогатился новыми сочленами.

Присоединеніе Венеціи и Рима, очевидно, было только вопросомъ времени, и Италіи скоро представился новый случай свести свои счеты съ Австріей.

Бисмаркъ подготовлялъ войну съ Австріей и искалъ союзниковъ. А кто могъ быть лучшимъ союзникомъ противъ Австріи, чѣмъ итальянцы? Къ пруссакамъ въ Италіи относились съ открытой враждой, но

нельзя было пропускать случая завершить дѣло національнаго объединенія, и 8-го апрѣля 1866 года итальянское правительство подписало союзный договоръ съ Пруссіей. Кампанія 1866 г. оказалась для Италіи неудачной. Въ самомъ началѣ ея, 25-го іюня 1866 г., итальянская армія потерпѣла поражение при роковой для итальянскаго оружія Кустоцѣ, а мѣсяць спустя потерпѣла неудачу при Лиссѣ и итальянскій флотъ собиравшійся произвестя десантъ въ Далмаціи.

Только одному Гарибальди съ альпійскими стрѣлками удалось одержать побѣду при Бедзеикѣ, занять большую часть Трентино и подступить къ самому Триенту. Между тѣмъ, пруссаки разбили главную австрійскую армію при Садовой и поспѣшили вступить въ мирные переговоры безъ вѣдома Италіи. Тщетно Италія настаивала на продолженіи войны, чтобы утвердиться въ Тиролѣ и перенести военныя дѣйствія въ Истрію. Бисмаркъ, третировавшій Италію, какъ второстепенное государство, отказался даже обсуждать вопросъ о Трентино, и Италія должна была удовлетвориться одной Венеціей.

1870 годъ далъ Италіи Римъ, но счеты съ Австріей, благодаря Бисмарку, не были сведены до конца. Трентино и Триентъ остались «неискупленной Италіей», изъ-за которой рано или поздно неизбѣжно должна была вспыхнуть новая итальяно-австрійская война.

Японскій воинъ далекаго прошлаго. (Японскій рисунокъ).

ГИДРОАЭРОПЛАНЪ И ПОДВОДНАЯ ЛОДКА.

Частными источниками изъ Дарданеллъ, сообщается интересный случай спасенія французскимъ гидроаэропланомъ англійскаго военнаго транспорта, подвергшагося опасности отъ нападешя непріятельской подводной лодки.

Съ аппарата, летѣвшаго на большой высотѣ надъ моремъ, былъ внезапно усмотрѣнъ какой-то силуэтъ, двигавшійся подъ водою. Летчикъ спустился до высоты въ 300 футовъ и тогда обнаружилъ подводную лодку, которая направлялась съ цѣлью атаки къ англійскому транспорту, перевозившему въ тотъ моментъ войска и войсковые грузы.

Японскій воинъ далекаго прошлаго. (Японскій рисунокъ).

Съ гидроаэроплана немедленно протелеграфировали по радио транспорту объ угрожающей ему опасности. Однако, это предупрежденіе само-по-себѣ мало чему могло помочь, такъ какъ лодка была замѣчена поздно, и транспортъ врядъ-ли оказался-бы въ состояніи уклониться отъ удара, тѣмъ болѣе, что конвой эскадренныхъ миноносцевъ при транспортѣ отсутствовалъ. Поэтому, энергичный французскій офицеръ рѣшилъ дѣйствовать самъ. Онъ спустился еще ниже и, находясь надъ самой водою, сталъ бросать въ лодку бомбы. Къ сожалѣнію, погнать бомбами въ лодку, находившуюся подъ водою, оказалось трудно. Лодка опустилась ниже и скрыла перископъ подъ поверхностью. Летчикъ уже сталъ подниматься кверху, чтобы достигнуть высоты, съ которой можно было-бы слѣдить за непріятельской лодкой на глубинѣ, какъ вдругъ онъ увидѣлъ, что лодка снова подняла перископъ съ цѣлью ориентироваться. Тогда онъ опять быстро спустился и бросилъ еще двѣ бомбы, послѣ чего лодка исчезла подъ водою окончательно.

—

КАКЪ ГУСИ РИМЪ СПАСЛИ.

Историческій очеркъ.

Около 390 года до Р. Хр. галлы предприняли одинъ изъ своихъ обычныхъ хищническихъ набѣговъ, перешли Аппенины и осадили этрусскій городъ Клузій, жители котораго тотчасъ же обратились за помощью къ римлянамъ, считавшимъ себя покровителями этрусковъ.

Римскій сенатъ, гордясь могуществомъ своей страны, не послалъ вспомогательнаго войска, а отправилъ къ галламъ трехъ пословъ Фабіевъ, которые должны были объявить, что Клузій находится подъ покровительствомъ Рима, и потребовать снятіе осады.

Галлы приняли пословъ съ величайшимъ почетомъ, но отступить отъ осажденнаго города наотрѣзъ отказались, требуя уступки незначительной части этрусской области, на что, конечно, гордые римляне не согласились и, войдя въ Клузій, тот-

часъ же приняли участіе въ вылазкѣ осажденныхъ, во время которой одинъ изъ пословъ—Квинтъ Фабій, одѣтый въ этрусскіе военные доспѣхи, убилъ знатнаго галла, но былъ узнанъ Бренномъ, предводителемъ галловъ, приказавшимъ своимъ воинамъ немедленно прекратить сраженіе.

— Трубите отступленіе, — крикнулъ Бреннъ, — я не хочу, чтобы кровь пословъ была пролита моимъ народомъ... Мы тоже отправимъ пословъ въ Римъ и будемъ требовать выдачи намъ головоу недостойныхъ нарушителей священнаго международнаго права!

Галльскіе послы прибыли въ столицу великой республики, но римскій сенатъ, защищая своихъ претупныхъ гражданъ, избралъ Фабіевъ военными трибунами и объявилъ галламъ, что виновные теперь не-

прикосновенны и могутъ подлежать суду только чрезъ годъ, когда истечетъ срокъ ихъ избранія.

Когда послы возвратились и передали отвѣтъ Бренну, онъ тотчасъ же бросилъ осаду Клузія и пошелъ прямо на Римъ. Галлы шли мимо городовъ, не останавливаясь, и кричали стражамъ, что идутъ исключительно на Римъ. Они перешли Тибръ и на берегу рѣчки Алліи 18 іюня 390 года до Р. Хр. нанесли страшное пораженіе римскому войску, которое было почти все истреблено.

Римъ остался беззащитенъ, но, къ счастью для него, галлы провели два дня въ грабежѣ окрестностей, а римляне въ это время успѣли перенести въ Капитолій священныя и наиболее цѣнныя вещи и небольшой запасъ провизіи; но на третій день послѣ аллійской битвы галлы уже вошли въ Римъ чрезъ Коллинскія ворота. Они со страхомъ прошли по пустыннымъ улицамъ и, когда вышли на другую сторону города, увидѣли, что на крутомъ холмѣ въ крѣпости стоятъ вооруженные люди, а на концѣ форума сидятъ восемьдесятъ старцевъ, одѣтыхъ въ бѣлыя тоги. Сначала галлы приняли почетныхъ римскихъ сенаторовъ за боговъ, явившихся защищать Римъ, но когда бывший консулъ Маній Папирій ударилъ жезломъ по головѣ галльскаго воина, дотронувшагося до его бороды, то всѣ сенаторы были перебиты, а городъ разграбленъ и сожженъ.

Покончивъ съ городомъ, варвары атаковали Капитолій, но всѣ ихъ приступы были отбиты, и Бреннъ рѣшился на продолжительную осаду. Прошло семь мѣсяцевъ, а осада не дала галламъ никакого перевѣса надъ римлянами, хотя однажды едва не окончилась удачнымъ приступомъ, который начался совсѣмъ неожиданно для обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Однажды ночью галлы замѣтили римскаго воина Понція Коминія, осторожно пробиравшагося чрезъ ихъ станъ, и хотѣли уже схватить его, но Бреннъ остановилъ воиновъ, приказавъ имъ прослѣдить путь, по которому римлянинъ войдетъ въ Капитолій, чтобы потомъ той же дорогой неожиданно войти въ крѣпость.

Въ слѣдующую же ночь варвары пошли по пути Коминія. Они ползли, какъ змѣи, цѣпляясь за выступы скалы, прилегающей къ крѣпости, добрались до капитолійской стѣны и начали устраивать живую пира-

Конный курдь сто лѣтъ тому назадъ.

медальную черепашку для того чтобы влезть на крепость.

Этот простой способ давно практиковался галлами и состоял в том, что толпа воинов, стоявших у крепостной стены, прикрывалась щитами, на которые становилось несколько человек, тоже накрывшихся щитами, а на эти щиты опять влезали воины и т. д. до тех пор, когда последний воин мог уже легко ухватиться за верхний край стены.

Капитолийская стража, не ожидавшая в эту ночь нападения врагов, мирно спала, и только один патриций Марк Манлий бодрствовал на своем сторожевом посту. Все было тихо кругом, но вдруг раздался крик гусей, посвященных богинь Юнон и находившихся в громадной клетке на крепостной стене.

Манлий бросился к гусям и увидел голову галла, поднимающуюся над капитолийской стеной.

— Враги в Капитолии! — крикнул Манлий и нанес галлу удар, от которого тот полетел вниз, увлекая за собой всю «живую пирамиду».

Приступ был отбит, и римляне могли вздохнуть свободно, наказав лишь начальника стражи тем, что сбросили его со скалы, и поднеся Манлию в награду от каждого осажденного римлянина по кружку вина и по полфунту хлеба.

Вскорь после неудачной атаки Капитолия, Бренн получил известие, что веныты напали на его родную страну, а потому он вступил в переговоры с римлянами, соглашаясь снять осаду, если ему будет уплачено 1,000 фунтов золота.

Выкуп был тотчас же внесен, но Бренн во время взвешивания золота бросил на чашку воров к гилям свой меч и сказал: «Горе побжденным!» Пришлось увеличить выкуп, и только тогда враги покинули Рим.

Когда галлы ушли, положение разоренных римских плебеев было так ужасно, что Манлий вступился за них пред новыми сенаторами. В горячей речи он защищал права бедняков и, увлекшись защитой, неосторожно сказал: «Боги, когда же, наконец, все эти консулаты и диктатуры будут сравнены с землею, чтобы римский плебс мог поднять голову?»

Сенат спокойно выслушал речь Манлия и тотчас же прика-

Афганские солдаты.

зал военным трибунам «строго смотреть, чтобы республика не понесла какого-нибудь ущерба», таким образом, защитник народа был вызван к суду курий, враждебно настроенных патрициями к обвиняемому в измене.

— Что скажешь в свою защиту? — спросил один из трибунов Манлия.

— Вы хотите, — отвечал Манлий, — обвинять в измене родин того, кто избавил от рабства за долги четыреста плебеев, кому принадлежат тридцать доспехов, снятых с убитых в единоборстве врагов, чья грудь украшена двадцатью тремя ранами, полученными на службе отечеству, чья голова гнется под тяжестью дубовых и золотых венок, возложенных на нее в награду за военные и гражданские подвиги, того, наконец, кто спас Рим Капитолий и сохранил республику... Нет, я не хочу защищаться, потому что моя за-

щита в моих делах, и молю богов, чтобы они защитили Рим от несправедливости его граждан...

Народ, слушая эту речь, начал волноваться, и трибуны поспешили объявить обвиняемому смертный приговор. Манлий был сброшен с Тарпейской скалы, а в его род никто уже не имел права носить имя Марка.

Так отблагодарил Рим лучшего и честнейшего из своих граждан за то лишь, что он для блага родины отшатнулся от своего сословия.

Неблагодарные римляне скоро забыли и патриотов гусей, которых тоже постигла печальная участь: они были принесены в жертву Юнон и съедены жрецами.

На родинѣ цвѣтныхъ войскъ Англій.

ИНДУССКІЯ КАСТЫ.

Соціально-этнографическій очеркъ.

Въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ нерѣдко приходится слышать жалобы обездоленныхъ:

— Мы ничего не имѣмъ, лишены всего самаго необходимаго, мы — п а р и и!

Это всюду повторяемое слово «парія», которое должно выражать въ нашихъ глазахъ самую удручающую нужду, однакоже вовсе не символъ, какъ принято думать. Оно подтверждаетъ нѣчто дѣйствительное. Паріи существуютъ, представляя собою даже извѣстную касту. Но условія ихъ существованія такъ жалки, что ни въ одной изъ цивилизованныхъ странъ нельзя встрѣтить мало-мальски соответствующаго явления, и даже самые несчастные между сынами культурныхъ націй, горько жалующіеся на несправедливости рока, рядомъ съ этими бѣднягами кажутся привилегированными существами. Въ Европѣ и другихъ государствахъ съ европейскими порядками, строго говоря, больше нѣтъ общественныхъ классовъ. Интеллигентность, выдержка, удача всегда позволяли лучше одареннымъ возвыситься, и, наоборотъ, лѣнь, расточительность, испорченность ввергали неспособныхъ въ омуты. Работникъ можетъ стать хозяиномъ, служащій — собственникомъ или капиталистомъ, и какъ разъ надежда улучшить матеріальное и нравственное благосостояніе, передать дѣтямъ завоеванное трудомъ

положеніе подбадриваетъ и облагораживаетъ наше честолюбіе. Такимъ образомъ цѣлое соціальное тѣло пользуется усиліями каждаго въ отдельности, преслѣдующаго одинаковую цѣль — увеличить отечественное благосостояніе.

Среди культурнаго человѣчества есть слабые люди и неудачники, но нѣтъ паріевъ.

***

Родиной паріевъ является Индія. Эта необыкновенная страна, первобытный строй которой сохранился въ неприкосновенности до нашихъ дней, располагаетъ приблизительно, четырьмя десятками кастъ, замкнутыхъ, взаимно независимыхъ и враждебныхъ. Въ этой іерархіи, надъ которой назамѣнное господство принадлежитъ браминамъ, послѣднее мѣсто занимаютъ паріи. Одни ничего не имѣютъ другіе обладаютъ всѣмъ. Однимъ рожденіемъ определяются условія существованія каждаго, и всѣ должны покоряться этому варварскому правилу.

Вотъ какъ путешественникъ XVIII вѣка, аббатъ Дюбуа, описываетъ паріевъ:

Имъ не разрѣшено обрабатывать землю за собственный счетъ. Они вынуждены идти внаймы къ прочимъ кастамъ и терпѣть безъ малѣйшаго протеста побой со стороны хозяевъ.

Провизія, которой они питаются, отвратительнаго качества, и нерѣдко поэтому они даже отнимаютъ отбросы у собакъ!

Если бы паріи, по крайней мѣрѣ, имѣли возможность, завершить дневную работу, смѣшиваться съ остальными труженниками, участвуя въ ихъ радостяхъ, но они лишены и этого законнаго удовлетворенія.

Паріи — не только злополучныя твари, обреченныя самимъ происхожденіемъ на самыя низменныя занятія, а равно считаются и грязными существами, одного присутствія которыхъ достаточно, чтобъ испачкать чистаго человѣка и немедленно навязать ему искупительное омовеніе. Въ извѣстныхъ областяхъ Индіи они вынуждены носить на себѣ звонки, предупреждающіе о ихъ приближеніи, а въ другихъ имъ предписывается расхаживать нагишемъ, внушая безпредѣльную гадливость.

Довольно молодой дѣвушка благороднаго происхожденія уронить на такихъ «чандаловъ» случайный взглядъ, и отъ нея требуется сейчасъ же, побѣжать къ колодезю, промыть тамъ глаза. Мало пріятнаго очутиться въ краю, гдѣ грозятъ столь нежелательныя встрѣчи, а во всякомъ случаѣ, доля парій заслуживаетъ глубокой жадости.

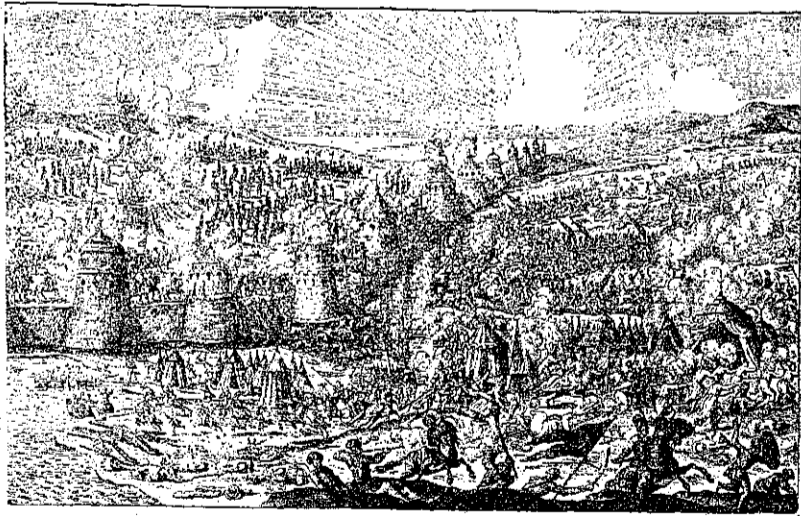
Всѣ попытки въ ихъ пользу наталкивались на упорный кастовый духъ индусовъ, охраняющій установленныя для общества грани. Сами англичане, вопреки долгой практикѣ и средствами своей терпѣливой находчивости, не избѣгли компромиссовъ съ мѣстными взглядами, противорѣчащими здравому смыслу.

Одинъ характерный случай подтверждаетъ устойчивость этой многовѣковой ненависти.

Въ Пондишери французская администрація, желавшая подчеркнуть свою власть, повысила въ начальники мастерской чрезвычайно толковаго парію, во всѣхъ смыслахъ достойнаго занять подобную должность. Но этому человѣку, несмотря на его безспорныя качества, никогда и не удалось добиться повиновенія со стороны подчиненныхъ работниковъ, относительно которыхъ, въ часы отдыха, ему приходилось проявлять крайнюю приниженность. Въ итогѣ французы принуждены были уступить, оттолкнувъ несчастнаго въ послѣдній рядъ, хотя онъ заслуживалъ мѣсто въ первомъ.

***

Что же касается браминовъ, — это фактическия власти индусскаго племени. Они, не работая, получаютъ безъ малѣйшихъ усилій, что бы и гдѣ бы имъ ни заблагоразсудилось, такъ какъ

Изображеніе побѣды, одержанной графомъ Минихомъ надъ крымскими татарами 31 мая 1736 г.

(Съ современной гравюры Бека).

Обыватели признают за великую честь подносить им свои дары. На первый взгляд деревни в Индии кажутся населенными одними браминами, так они слоняются кругом с утра до вечера, пока крестьяне трудятся на полях. Брамины также проникнуты презрением к европейцам, и если удостоивают «нечистых пришельцев» своей дружбой, то посещают их только на заре до первого утреннего омовения.

Большинство браминов — люди своеобразно-образованные, в роду китайских мандаринов.

Между ними и париями касты распределены, согласно формальной иерархии. Состояние не идет в расчет при этом классовом устройстве, и нажившийся купец преклоняется перед мясником или извозчиком, хотя сохранившими свое скромное положение, но более родовитыми.

Точка отправления касты определяется профессией. Кузнецами, булочниками, ткачами индусы бывают от дѣда к внуку естественным образом, как встречаются низкорослые и высокие, русые и черноволосые.

Разрѣшается только продолжать ремесло отца, вопреки личным склонностям и дарованиям. Ему слѣдует съ радостью и гордостью, точно призванію или священнослуженію. Для себя и между собою живут и вступают въ браки, ограничивая сношенія съ другими кастами, которыя признаютъ нечистыми крайней необходимостью. Отъ взаимнаго обмена непримиримые и ненавидящіе друг друга лагеря уклоняются. Специализация трудовых отраслей поразительна. Рыбаки, например, раздѣляются на 14 кастъ, снабженныхъ особыми снарядами для ловли определенныхъ рыбныхъ породъ. Кто добываетъ форелей и карповъ, не тронетъ щукъ и судаковъ. Одна каста горшечниковъ, работающая стоя, выдѣлываетъ большія сосуды, а другая, которая трудится въ сидячемъ положеніи, — только маленькіе.

Приратникъ покраснѣлъ бы отъ стыда, внося въ квартиру пакетъ или подавая къ столу. Чистильщикъ сапогъ ни за что не возьметъ въ руки платяную щетку. Каждый готовитъ на кухнѣ особо, на свой ладъ, согласно обрядамъ касты и въ особенной посудѣ. Въ слишкомъ частые періоды голода индусы предпочитали скорѣе умереть отъ отсутствія пищи, чѣмъ пользоваться привілеіемъ отъ другой касты. А миссіонеры, которымъ удавалось обращать въ христіанство нѣкоторыя селенія, должны

Поединокъ воиновъ Новой Полинезіи.

были устраивать въ своихъ храмахъ спеціальныя отдѣленія для каждой группы вѣрующіихъ. Нечего прибавлять, что парии туда безусловно не допускаются вмѣстѣ съ другими и даже идутъ къ гримастію особо.

Столь суровый и несправедливый строй, который зиждется на данныхъ, тѣзко противорѣчащихъ самой природѣ человѣка, конечно, обреченъ со временемъ исчезнуть. Онъ является живымъ отрицаніемъ прогресса, развитія, неуклонно-преобразующагося людей и вещи.

Удивительно, что онъ еще въ состояніи противиться культурнымъ вѣяніямъ, проносающимся по свѣту.

Спектакль подь огнемъ.

Намъ прислали изъ дѣйствующей арміи слѣдующую программу солдатскаго спектакля въ окопахъ:

Сцѣна въ окопе.

Сего 4 сентября будетъ представлена сцѣна «Храбрый казакъ Семень Смуровъ убѣгаетъ съ германскаго плена» сочиненія рядовова и георгіевскаго Кавалѣра Павла Зимина». Начало сцѣны въ 8 часовъ. Если ничево не случится, Бенгальскій огонь и пляски съ тальянкой съ разрѣшенія ротнаго».

КОДАКЪ

ДЛЯ ВОЕННЫХЪ.

Запечатлѣйте пережитые Вами въ настоящую великую войну эпизоды при помощи Вашего

ЖИЛЕТНО-КАРМАННАГО КОДАКА.

Каждый военный естественно желаетъ навсегда запечатлѣть тѣ интересные и славные эпизоды и событія, которые ему и его полку выпало на долю пережить въ настоящую великую войну—и онъ легко можетъ достигнуть этого маленькимъ Жилетно-Карманнымъ Кодакомъ. Жилетно-Карманный Кодакъ незамѣнимъ для военныхъ, какъ на передовыхъ позиціяхъ, такъ и въ тылу. Жилетно-Карманный Кодакъ, дѣйствительно, какъ бы созданъ для военныхъ. Онъ какъ нельзя лучше отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ походной жизни военныхъ.

Акц. Комп. Кодакъ.

ПЕТРОГРАДЪ, Б. Конюшенная, № 19 и Невскій пр., Пассажъ, № 51.
МОСКВА, Петровка, №№ 15 и 16.

